

Идеи и жизнь

ПИСЬМО РЕДАКЦИИ

Задолго до наших революцій, когда еще и самого выражения «ударные темпы» не было, задолго еще до того, как в Россіи сложилась своеобразная категория «котцов и дѣтей», задолго до этого, в условіях жизни спокойной и нормальной, великій поэт наш выражал сожалѣніе о «несчастном другѣ», который остался среди новых поколѣній докучным гостем, и лишним и чужим. Я вспоминаю об этом, чтобы пояснить Вам, почему не считаю себя в правѣ пригизать на участіе в строительствѣ «Новаго Града». Но Вы не отрицаете историческаго преемства, и самое исканіе новаго града есть проявленіе того святого безпокойства, которое составляло самую плѣнительную черту русской интеллигенціи, и с ч е з н у в ш е й, к а к В ы правильно отмѣчаете, без остатка и, прибавлю, н а в с е г д а. Если же Вы не отрицаете преемства, то, быть может, Вам окажут хоть и малое содѣйствіе в Ваших исканіях иѣсколько ума холодных наблюденій и сердца горестных (подлинно-горестных) замѣт, которым и мнѣ, глубоко сочувствующему Вашим исканіям, хочется с Вами подѣлиться.

Прежде всего об этом самом преемствѣ. Революція его принципиально и начисто отрицает, она строит новый мір. Вы цитируете, напримѣр, Устрялова, который захлебывается от восторга перед н е б ы в а л о й перестройкой, перед переплавкой самого человѣка, перед вселенским замыслом. Создается впечатлѣніе, что Россія не только вступает в новый період своей исторіи, но становится на какой-то другой, доселѣ чуждый ей путь.

Так ли это? По Вашему—не так. Дѣйствительно, строительство «соціализма в одной странѣ» свелось к пятилѣткѣ, т.-е. к спѣшной, ударной индустриализаціи Россіи. Но на этом пути, как правильно Вами указано, страна уже раньше, до войны, стояла, и индустриализація шла достаточно быстро и до революціи, встрѣчая — прибавлю — постоянно препятствія, органическія препятствія, таившіяся в самодержавном режимѣ. С паденіем самодержавія препятствія исчезли, и тѣм самым расчищен был путь для нормальнаго развитія. Но совѣтская власть бѣшено торопится, берет ударные темпы, словно боится, что иначе ей не удастся разрѣшить эту задачу. Мнѣ вспоминается бе-

сѣда с г-р. Витте, когда в декабрь 1904 года ему поручено было осуществленіе Указа «о мѣропріятіях к усовершенствованію государственнаго порядка». Я спрашивал, не опасается ли он, что и эта задача так же преждевременно будет сорвана, как раньше учрежденіе сельско-хозяйственных комитетов, на что он со злобным раздраженіем отвѣтил мнѣ: «Ну, нѣтъ! Второй раз меня не подведут. Я сразу так им законопачу, что назад поворачивать уже не придется». Вот так и совѣтская власть торопится «законопатить», опасаясь, чтобы у нея не вырвали возможности завершить индустриализацію, поставленную на ноги именно при Витте. Чтобы добиться этого, совѣтская власть не останавливается ни перед какими жертвами и средствами и твердо стоит на том, что не суббота для человѣка, а человѣкъ для субботы, и строит промышленность страшным террором.

А между тѣм, если бы революціи не было, индустриализація все же шла бы неуклонно, и через нѣсколько десятков лѣтъ получились бы тѣ именно результаты, которых совѣтская власть стремится добиться в короткій срок пятилѣток. Если, напримѣр, сравнить состояніе Россіи наканунѣ освобожденія крестьян с эпохой наканунѣ великой войны, то во всяком случаѣ с неменьшим основаніем можно сказать, что за полвѣка произошла «п е б ы в а л а я п е р е с т р о й к а» страны, переплавка самого человѣка». Достаточно прочесть, напримѣр, художественныя воспоминанія барона Врангеля, родившагося в сороковых годах прошлаго столѣтія и умершаго уже послѣ революціи, чтобы это стало образно ясным и безспорным.

Если же так, то сущность революціи вовсе не в том, что она сворачивает Россію на какой-то другой путь, а, напротив, что по старому историческому пути она заставляет итти под угрозой разстрѣлов ударными тѣмпами, как во время послѣдней войны заставляли изнемогающих солдат итти вперед на врага. В ударных темпах и заключается существенная особенность «соціалистическаго строительства», от этой особенности — от ней всѣ качества.

Такое строительство, независимо от того, удастся ли пятилѣтка, Вы квалифицируете, как преступленіе. Можно было бы еще прибавить, здѣсь это было бы весьма умѣстно, — «небывалое» преступленіе. Но нельзя не согласиться и с другим Вашим утвержденіем, что исторія просит большевикам злодѣянія, — даже если пятилѣтка и не удастся. Развѣ не характерно, что со времени революціи вниманіе русских историков вновь было приковано к личности Грознаго и, по мнѣнію Вилпера (если не ошибаюсь), Иван IV вошел бы в исторію с эпитетом «Великій», если бы он умер до второй половины своего царствованія, когда ему счастье измѣнило.

Но именно поэтому не думаете ли Вы, что задача современников должна заключаться в том, чтобы предотвратить равнодушіе исторіи к человѣческим гекатомбам, чтобы отвлечь ея интерес к ви-

димости и заставить задуматься над страшной цѣной, которая за эту видимость заплачена. Мнѣ кажется, что всё или почти всё возраженія, которыя встрѣтил «Новый Град», вызваны не столько недоразумѣніями, как Вы полагаете, а опасеніями, что в нѣкоторых Ваших высказываніях исторія тоже найдет матеріал для оправданія преступленія. Вы, напримѣр, обрушиваетесь на зарубежную прессу, которая в теченіе долгих лѣтъ сообщала о СССР «фантастическій бред» и заставила западнаго читателя обратиться за информацией к совѣтским источникам. Но Вы не оговариваетесь, что в первые годы совѣтская власть отгородилась китайской стѣной и лишила всякой возможности проверять получаемыя свѣдѣнія. А с другой стороны, развѣ Вы сомнѣваетесь, что кремлевская дѣйствительность, о которой станет извѣстно много лѣтъ спустя, превосходит всякій бред? И развѣ западный читатель обратился к большевистским источникам потому, что перестал довѣрять зарубежному освѣдомленію, а не потому, что ему приспичило торговать? — Или, напримѣр, Вы утверждаете «прочность совѣтской системы», между тѣм как вопрос о продолжительности ея существованія отнюдь не сливается с вопросом о прочности. Террор и прочная система не совместиы, и важнѣе было бы выяснить, почему, несмотря на непрочность, система эта так долго держится. Но Вы прибавляете, что система опирается на милліонныя кадры слѣпо вѣрящих в свое ученіе людей, хотя никакого «ученія» уже больше не существует, и партія разложилась до того, что принцип равенства объявлен мелко-буржуазным уклоном, а сдѣльщина — социалистической основой. Вы говорите о производственно-технических успѣхах СССР, игнорируя то, что совершается «за кулисами пятилѣтки», и о чем между прочим так вразумительно рассказал г. Юрьевскій на страницах журнала «Современныя Записки» на основаніи исключительно большевистских источников. Безо всякой нужды Вы прибѣгаете и к эзоповскому языку, утверждая, напримѣр, что исторія вырыла глубокій ров между двумя Россіями, — не считаясь с тѣм, что в такія слова можно вложить самое разнообразное содержаніе, но непремѣнно отрицательное по отношенію к эмиграціи и почтительное — к совѣтскому режиму.

Эти высказыванія, возбуждающія у читателя настороженность, тѣм болѣе досадны, что они вовсе не нужны для опредѣленія Вашей позиціи, без них она была бы болѣе четкой. Мнѣ кажется, что, поскольку здѣсь нѣтъ безсознательнаго преклоненія перед видимостью и стремленія отгородиться от живописцев, имѣющих в своем распоряженіи лишь одну черную краску, — постельку эти высказыванія объясняются недооцѣнкой значенія ударных темпов для характеристики сущности революціи.

Ибо ударные темпы это не только страшное преступленіе, но и безмѣрная глупость, уродливая нелѣдность, которая неумолимо

отомщает себя карикатурным искажением результатов, к которым ударные темпы стремятся. Основа пятилѣтки — плановость, для которой создано особое центральное учреждение (Госплан) — превращена в невѣроятный хаос, в зияющій разрыв не только между отдельными частями народного хозяйства, но и между тѣсно связанными отраслями промышленности и даже в рамках отдельных крупных «комбинатов». На только что состоявшейся конференціи Украинской Компартіи Молотов и Косіор открыто признали вину за разрыв между сельским хозяйством и промышленностью; на удивленіе всему міру построили Днѣпрострой, не имѣя объектов для использованія его электрической энергіи; чугуна вырабатывается гораздо меньше против плана, но и его слишком много для переработки в мартенах на сталь; построенные по послѣднему слову техники автотракторные заводы выпускают требуемое количество машин, не могущих быть, однако, пущенными в работу за отсутствіем важнѣйших частей. Здѣсь не мѣсто подробнѣе на этом останавливаться; но я приведу один примѣръ, показывающій, как всеильна эта особенность плановаго строительства. Недавно под редакціей отвѣтственнаго коммуниста Мотылева выпущен был в свѣтъ партійный учебник, который снабжен примѣчаніем редактора о том, что «учебник сдан был в набор в неполном видѣ, отсутствуют цѣлыя части глав, которыя предполагалось сдать в період правки гранок», но сдать этого не удалось, и учебник так и был выпущен в оборот в неполном видѣ.

Этот поистинѣ «ударный» примѣръ подводит к другому центральному вопросу о «переплавкѣ» самого человѣка, о психологических сдвигах, представляемых обычно, как иѣчто небывалое, грандіозное. В Берлинѣ недавно появилась книга «Die Jugend in Sowjet-Russland». Автор ее К. Мэнерт, родившійся и прожившій в Россіи до войны, имѣющій обширныя дружескія связи среди комсомола, неумѣренно восхваляющій необычайную папористость (Stosskraft) молодежи, заканчивает свое восторженное описаніе совѣм казалось бы незначущим эпизодом. Однажды в Москвѣ он увидѣлъ Большой Театръ, весь украшенный сверху до низу красными флагами, плакатами и полотнищами. Он вынул фотографическій аппарат, чтобы сдѣлать снимок, и в этот момент к нему подбѣжала молодая дѣвушка с красной повязкой на головѣ и, повидимому, узнав в нем иностранца, обратилась с вопросом: неправда ли, как красиво мы убрали театр? — на что автор отвѣтил, что вчера без этих украшеній зданіе производило гораздо болѣе импозантное впечатленіе. Комсомолка смутилась от неожиданности, а затѣм сказала: «Как нехорошо с твоей стороны, что ты мнѣ так отвѣтил. Сколько лѣтъ это украшеніе казалось мнѣ прекрасным, а теперь, чорт возьми, я и сама вижу, что ты прав».

Этот случайный эпизод наводит автора на скептическія размышле-

нія о «переплавкѣ человѣка»: «Говоря о необычайной напористости молодежи, я не могу освободиться от впечатлѣнія, что перед нами какое-то грандіозное массовое внушеніе, что это — состояніе сомнамбулизма, которое может разрешиться пробужденіем». Не буду ссылаться на личные наблюденія над прѣвращающей за границу совѣтской молодежью, наблюденія, превращающія сомнѣнія автора в глубокою увѣренность. Но развѣ а priori не ясно, что иначе и быть не может, даже и независимо от того, что партія, в теченіе ряда лѣтъ раздираемая правой, лѣвой и право-лѣвацкой оппозиціей, находится в состояніи полного разложенія, которое наиболѣе чувствительно должно было отразиться на молодежи. Нынѣшняя необычайная ударность, ея ничега общаго не имѣет с былым энтузіазмом первых лѣтъ революціи, а представляется озорством. Вы правильно указываете, что для созданія новаго міросозерцанія, для возвращенія новаго человѣка нужна долгая кропотливая работа, а не незаконченные партійные учебники, и, может быть, гораздо болѣе прочные сдвиги успѣли произойти со времени войны в Европѣ среди молодежи.

Есть, однако, одна черта, явившаяся именно результатом «долгой и кропотливой работы» и составляющая главную особенность новой русской молодежи: партія не дает ей ни отдыха, ни сроку, перабрасывает ее с одной ударной кампаніи на другую, перенагружает общественной работой, суцность которой непрерывно мѣняется соотвѣтственно причудливым зигзагам генеральной линіи и таким образом постоянно колеблет почву под ногами. Отсюда душевная усталость, вызывающая жажду уюта и покоя, неудержимую потребность в нормальной жизненной обстановкѣ, короче говоря, тяготѣніе к тому, что прежде называлось мѣщанством и вызывало, как Вы отмѣчаете, издѣвательство русской публицистики. Побѣдоносное шествіе мѣщанства нѣсколько лѣтъ назад составляло самую злободневную тему художественной литературы и, если тема эта сошла со сцены, то вовсе не потому, что проблема была благополучно разрешена. А на днях, мѣсяц спустя послѣ комсомольской конференціи, совѣтскія газеты неожиданно сочли нужным вспомнить и подчеркнуть, что генеральный секретарь комсомола Косарев явился в засѣданіе конференціи в отличнo сшитом костюмѣ и в бѣлоснѣжном крахмальном вортничкѣ с галстуком.

Можно поэтому сильно сомнѣваться по отношенію к Россіи, что, как Вы полагаете, «дѣло сегодня именно в исканіях, в творчествѣ». Напротив, скорѣе можно утверждать, что и рост религіозности, против котораго так возстает «Безбожник», объясняется не исканіями правды на землѣ, а жаждой тихой пристани, тяготѣніем к «безмятежю, наследственно бытовой, традиціонной религіозности», хотя бы и в новых пролетаризованных формах, о которых сообщает г. Лаговскій в своей превосходной статьѣ в «Новом Градѣ».

Ударные темпы компенсировались долгим и прочным застоём, для их основанія потребуются десятки лѣтъ, тѣ же самые десятки лѣтъ, в теченіе которых при нормальном ходѣ произошла бы «небывалая перестройка страны, переплавка самого человѣка». В этом нѣтъ какой-либо особенности русской революціи. Развѣ не поразительно, что во Франціи недавно праздновалось 125-лѣтіе Наполеонова кодекса, между тѣм как не только в Швейцаріи, но и в императорской Германіи и Австріи за это время созданы были кодексы на новых социальних оснѣвах, и даже в самодержавной Россіи еще до Государственной Думы урегулировано было положеніе вѣнчанных дѣтей, а в демократической Франціи неизменно стоит правило, запрещающее разсыканіе отцовства, лишшающее замужнюю женщину гражданской дѣеспособности и т. п.

Перспектива долголѣтняго зстоя весьма мало, конечно, улыбается людям святого безпокойства, грозя превратить рыцарей исканій и творчества в доп-Кихотов или, еще хуже, в гоголевскаго Кочкарева. Вы помните замѣчательную сцену в «Женитѣбѣ», когда Кочкарев, узнавъ, что Подколесин сбѣжал от невѣсты домой, сначала ругает себя, что впутался в чужое дѣло, но затѣм, представляя себѣ, как Подколесин сидит вполне довольный дома, рѣшает, во что бы то ни стало, заставить его жениться. В концѣ концов, вопрос, вѣдь, сводится к тому, будет ли новое поколѣніе чувствовать себя в обстановкѣ застойнаго уюта и покоя счастливым и довольным. Если, как Вы правильно говорите, творческій замысел ъ человѣкѣ завтрашняго дня ставится основной задачей всякаго вновь слагающагося политическаго теченія, то этот вопрос должен быть поставлен в центр вниманія во избѣжаніе разрыва творческаго замысла с дѣйствительностью, какой случился у коммунистов, заставив их прибѣгнуть к ударным темпам.

Потребность в новом градѣ несомнѣнно очень велика. Об этом свидѣтельствуют многочисленныя попытки его ютысканія, к сожалѣнію, неизмѣнно кончавшіяся неудачей. Каждая неудача оставляет в душѣ эмиграціи тяжелый слѣд, и потому каждая новая попытка является еще болѣе отвѣтственной. Тѣм искреннѣе и сердечнѣе я желаю Вам удачи в Ваших исканіях, и мнѣ кажется, что она вполне возможна, так как Вы нащупали правильный путь.

I. Гессен.